

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

**Экономическая история
США: от «ковбойского
капитализма» Р. Рейгана
до «Леонида Ильича»
Байдена (1988–2021)**

Препринт М-83/21

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2021

У74 **Усанов П. В.**

Экономическая история США: от «ковбойского капитализма» Р. Рейгана до «Леонида Ильича» Байдена (1988–2021) / Павел Усанов : Препринт М-83/21. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 42 с. — (Серия препринтов; М-83/21; Центр исследований модернизации).

В препринте разбирается период модернизации США от эпохи Р. Рейгана до Д. Байдена. Проанализированы экономические последствия рейганомики в краткосрочном и долгосрочном периодах: в краткосрочном периоде рейганомика дала свой толчок к развитию, но, так как она содержала порцию интервенционистских мер, то в долгосрочном периоде итоги оказались неоднозначными. Экономический рост «сытых 1990-х» совмещался с ростом государственных расходов в период правления Буша-старшего и Б. Клинтонна. На это наложился идеологический сдвиг, начавшийся в 1990-х: стало гораздо больше сторонников этатизма и социализма. Когда произошел очередной циклический спад, в 2007–2009 гг., это было воспринято общественным мнением как расплата за политику «неолиберализма». Президент Б. Обама отреагировал на кризис целым пакетом интервенционистских мер. Республиканцы и демократы и их сторонники за период с 1988 по 2021 г. значительно радикализировались, на смену единства нации эпохи конца холодной войны Рейгана пришел кажущийся непреодолимым идейный и политический раскол общества начала правления Д. Байдена.

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Института Хайека (usanovpv@mail.ru).

Если свободу обмена получить, не поняв ее смысла, то ее легко будет опять потерять.

Р. Кобден [Бастиа 2003, с. 181]

Экономическая история возможна только в том случае, если есть экономическая теория, способная пролить свет на экономическое поведение. Если экономическая теория отсутствует, то сообщения, касающиеся экономических фактов, — не более чем собрание бессвязных данных, поддающихся любой произвольной интерпретации.

Л. фон Мизес [Мизес 2005, с. 51–52]

Наследие Р. Рейгана

В моем препринте 2014 г. был разобран период правления Рональда Рейгана (1911–2004) [Усанов 2014]. Общими чертами той эпохи были оптимизм и уверенность нации в том, что она идет верным путем. Ни о каком расколе общества не шло и речи. В 1984 г. Рейган был переизбран с огромным перевесом, получив 58,8 % голосов. Его соперник набрал лишь 40,6 %. Доверие к президенту со стороны общества хоть и не было абсолютным, тем не менее его можно назвать значительным. После 1988 г. республиканцы постоянно находились в поисках «нового Рейгана». Вероятнее всего, популярность у республиканцев в 2016 г. Дональда Трампа — отчасти проекция образа Рейгана. Рейган открыто провозгласил свою философию: «Государство не является средством решения наших проблем, оно само является проблемой»¹.

¹ Любимым президентом Рейгана был Калвин Кулидж, которого он называл «Молчаливый Кэл»: «Он был таким тихим: он не давал федеральному правительству лезть в общественные дела и позволял бизнесу процветать на всем протяжении 1920-х» [Мауо, Nohria 2005, p. 292].

Реальный ВВП за время президентства Рейгана вырос почти на треть; инфляция упала с 12 % до менее 5 %; уровень безработицы снизился с 7 % до 5 %. Благодаря рестриктивной монетарной политике Пола Волкера, частично ограничившего кредитную экспансию за счет увеличения процентной ставки ФРС, инфляция в 1983 г. снизилась до 3,2 % и оставалась ниже 5 % до начала 1990-х. Одна из заслуг Рейгана — частичное дерегулирование экономики, погрязшей в бюрократии²; так дерегулирование авиаперелетов привело к появлению новых компаний, таких как Southwest Airlines, славившихся новым подходом к ценообразованию и сервису. Крах монополии AT&T в телекоммуникационной отрасли вызвал снижение цен и шквал новаций, часть из которых продолжает влиять на нашу жизнь и сейчас. дерегулирование транспорта сократило стоимость транспортных услуг и сделало экономику более эффективной. Финансовые рынки праздновали взятие новых рубежей. Индекс Доу — Джонса взлетел с отметки 951 пункт в момент первой инаугурации Рейгана до 2239 пунктов восемью годами спустя. Однако настоящий бум произошел уже в 1990-е, за этот период индекс вырос в 10 раз [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 372; Prasad 2008].

Однако эпоха «ковбойского капитализма» продлилась недолго.

От «ковбойского капитализма» до эпохи «иссякающего динамизма»

В 2003 г. вышла в свет книга Олафа Герземанна «Ковбойский капитализм». В ней автор обосновывает тезис о том, что американская модель экономики гораздо более эффективна, чем европейская, так как для американского «ковбойского капитализма» характерен высокий уровень экономических свобод и свободы предпринимательства, в то время как европейскую модель он описывает как бюрократизированную и зарегулированную. Общий вывод исследования состоит в том, что динамизм США обеспечит в будущем не только более высокий уровень доходов гражданам США, но и больший социальный комфорт. К нынешнему мо-

² До Рейгана крупные корпорации США кейнсианской эпохи брали на себя в 1970-е гг. огромные социальные обязательства: от предоставления работникам пожизненного найма до спонсирования местных оперных театров. От этого пришлось отказаться в эпоху возрождения в США духа предпринимательства [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 380].

менту ситуация изменилась. Сложно сказать, где экономика больше бюрократизирована: в США или Европе, но вывод книги остается верным: динамизм и огосударствление экономики — вещи несовместимые. Общеизвестно, что Рейган, до того как стать президентом США, был актером вестернов и часто играл ковбоев. Эпоха Рейгана в качестве президента стала эпохой развития таких компаний, как Apple, но успех оказался недолгим. На смену «ковбойскому капитализму» пришла эпоха застоя и «иссякающего динамизма» (по словам Алана Гринспена), олицетворяемая президентом Джо Байденом (р. 1942), которого профессор Университета Мемфиса (США) Андрей Знаменский остроумно назвал «Леонидом Ильичом» Байденом [Герземанн 2006].

Среди явных достижений Рейгана следует отметить следующие. Безработица в 1980 г. составляла 7,1 %, а в 1988 г. — 5,5 %, хотя в 1983 г., в начале президентства Рейгана, она увеличилась до 10,8 %. Налоги были существенно уменьшены, в особенности на высокие доходы. Максимальный уровень налогов с 70 % был уменьшен в 1981 г. до 50 %, а в 1986 г. — до 28 %. Однако это совмещалось у Рейгана с политикой наращивания государственных расходов. За период с 1980 по 1988 г. количество чиновников выросло на 230 000 — до 3 000 000. Расходная часть бюджета за годы правления Рейгана в среднем была 22,4 % ВВП, в то время как за весь период с 1971 по 2009 г. эта цифра составляла лишь 20,6 %. Одновременно вырос государственный долг США, от 26,1 % валового внутреннего продукта в 1980 г. до 41 % к 1988 г., в абсолютных цифрах — примерно в три раза. В 1980 г., когда страной руководил Джимми Картер, расходы федерального правительства составляли \$ 591 млрд (21,6 % ВВП). В 1986 г. они составили \$ 990 млрд (24,3 % ВВП), т. е. увеличились на 68 %. В 1981 г. дефицит бюджета впервые в истории превысил \$ 1 трлн, а в 1988 г. достиг \$ 2,6 трлн.

Однако Рейган ответственен также и за то, что проявилось в качестве серьезной проблемы лишь позже. В частности, он заложил бомбу замедленного действия под финансовую систему США, нарастив государственный долг до невиданных масштабов. Национальный долг при Рейгане вырос больше, чем при всех предшествовавших ему президентах, вместе взятых. В 1980 г. федеральный долг государства составлял \$ 712 млрд, а в 1990-е гг. он вырос более чем втрое — до \$ 2,4 трлн [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 373]. Как следствие, начал действовать эффект вытеснения: федеральные займы вытесняли с рынка частных заемщиков, которые могли бы в случае меньшего государственного долга найти более продуктивное применение национальным сбережениям.

Все это в совокупности сказалось на замедлении роста производительности.

Даже известный сторонник рейганомики Уильям Нисканен признал, что за два президентских срока Рейгана «международная торговля стала более зарегулированной... Президент Рейган предоставил больше защиты американской промышленности, чем любой из его предшественников за последние 50 лет»³.

Хотя в период правления Р. Рейгана были предприняты некоторые шаги в сторону свободного рынка, нельзя счесть политику Рейгана последовательно «прорыночной». Как описал итоги правления Мюррей Ротбард: «Минимальные требования к режиму, который называет себя “прорыночным”, — это сокращение государственных расходов, сокращение общих налоговых ставок и остановка инфляционной эмиссии денег. Даже по этим, безусловно, скромным меркам ни одно британское или американское правительство в 1980-е гг. не может быть охарактеризовано как “прорыночное”» [Rothbard 1995, p. 229–230].

Буш-старший и Клинтон: эпоха прорыночного консенсуса

Начало 1990-х гг. можно с уверенностью называть эпохой победы капитализма. Как пишут Алан Гринспен и Адриан Вулдридж, прорыночный консенсус казался в начале 1990-х окончательным и не подлежащим пересмотру [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 424]: «“Между падением Берлинской стены в 1989 г. и падением Советского Союза в 1991 г., — вспоминал один высокопоставленный индийский чиновник, — я чувствовал, будто пробуждаюсь от 35-летнего сна. Все, что я знал об экономических системах, все, что я пытался реализовать, оказалось неверным”. Правительства по всему миру приняли конкурентную рыночную экономику в качестве единственной альтернативы» [Yergin, Stanislaw 1998, p. 168].

Известный телеведущий 1990-х гг. Михаил Таратута вспоминает, что в начале 1990-х гг. левые настроения были крайне непопулярны в США и было даже стыдно признаться в том, что являешься сторонником идей Маркса. Все изменилось за последующие 25 лет. Открыто признавать себя сторонником левых идей стало не только допустимо и модно, но и политически перспективно. По словам автора программы «Америка

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-HdYf133pwo>

с Михаилом Таратутой»: «В США в 90-е, тема левых в общественной жизни просто отсутствовала. Меня она заинтересовала только в тот момент, когда советскому строю наступил полный и окончательный капут: как же теперь американские коммунисты без нас, без советской помощи, должно быть, левые идеи потеряли в Америке свой последний шанс? Словом, не без труда я разыскал Северокалифорнийский обком Компартии США (по месту моего корпункта в Сан-Франциско). Я нашел его в одном из бедных районов города, где обкомовцы ютились в подвальном помещении крохотного книжного магазинчика, торгующего левацкой литературой. Зрелище было, и в самом деле, жалкое: помещение, давно не знающее ремонта, обшарпанные столы, износившиеся стулья... Шесть-семь человек не очень опрятного вида и далеко не первой молодости что-то печатали на пишущих машинках, размножали на принтере, куда-то звонили... Но, поговорив с первым секретарем, афроамериканкой, тоже, кстати, бальзаковского возраста, я увидел этих копошащихся по офисным делам людей в несколько ином свете. По-своему они были героями. Правда, только в том смысле, что им годами приходилось вести двойную жизнь, тщательно скрывая свою партийную деятельность от соседей, знакомых, а порой и семьи, чтобы — нет, с властями у них особых проблем не было — но чтобы не стать изгоями самим и не подвергнуть той же участи близких»⁴.

Зато идеи свободного рынка были крайне популярны. Симптоматично, что именно в 1991 г., когда США находились на вершине успеха, американцы поставили на второе место по влиянию на культуру США роман Айн Рэнд (1905–1982) «Атлант расправил плечи». По результатам опроса, проведенного среди членов американского клуба Book of the Month Club в 1991 г., выяснилось, что роман «Атлант расправил плечи» находится на втором месте после Библии среди книг, которые оказали влияние на их жизнь⁵.

Рэнд ассоциировалась у многих американцев с их собственным образом жизни и ценностями, ее роман олицетворял победу капитализма над социализмом. Айн Рэнд открыто признавала свои взгляды прокапиталистическими: «Я в первую очередь защитник не капитализма, а эгоизма; и не эгоизма, а, скорее, человеческого разума. Если человек признает главенство разума и постоянно им пользуется, все вышеупомянутое

⁴ URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1203649/mikhail-taratuta-amerika-vlevo-vlevo-eshche-leveli>

⁵ URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-12-02-ca-746-story.html>

станет следствием. Главенство разума было, есть и будет основной темой моих работ и сутью объективизма» [Рэнд 2021, с. 9]. Все изменилось за последующие 25 лет. Ситуация развернулась на 180 градусов, и теперь, по социологическим опросам, больше 58 % молодых американцев не хотят жить при капитализме и либеральной демократии, предпочитая им социализм, коммунизм или фашизм.

7 ноября 2017 г., в день 100-летия Октябрьской революции, в США был проведен опрос американцев о том, какой общественно-политический строй они предпочитают. В исследовании приняли участие 2300 человек старше 16 лет. В ходе опроса выяснилось, что количество молодых людей в США, желающих жить при социалистическом строе, составляет 44 %. При коммунизме хотели бы жить 7 % и столько же при фашизме. Желających жить при капитализме набралось всего 42 %. То есть у 58 % молодых американцев — антикапиталистические и антилиберальные взгляды. Не приходится удивляться тому, что на политическом рынке все более заметны те, кто еще недавно считался маргиналом: радикальные левые и националисты. Причем, видимо, этот процесс будет только усиливаться, если прав Людвиг фон Мизес в том, что общественное мнение детерминирует поведение политиков⁶. Одна из задач этого исследования: ответить на вопрос о причинах таких перемен. Как получилось, что американцы за 25 лет превратились из сторонников Айн Рэнд и капитализма в сторонников социализма и Маркса?

Нельзя объяснить рост левых настроений неравенством. Индекс Джини, который часто считается наилучшим показателем неравенства доходов, не может свидетельствовать о радикальном повышении неравенства в американском обществе с 1991 по 2017 г. Весь этот период он колебался в узком диапазоне от 0,40 до 0,42. Причем, например, в 2007 г. был даже ниже (0,40), чем в 1997 г. (0,405). За десять докризисных лет неравенство сократилось, если доверять сторонникам индекса Джини. Таким образом, гипотеза о том, что увеличение популярности левых идей было связано с ростом неравенства, не может считаться верной⁷. Популярная идея Тома Пикетти о росте неравенства [Пикетти 2016] подверглась резкой критике в российской [Капелюшников 2020] и западной [Маккроски 2016, с. 153–195] литературе.

⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3465661>

⁷ URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2012&locations=US&start=1995>

А вот рост размеров государства мог стать причиной идеологического сдвига и поляризации взглядов. Доля государственных расходов в ВВП США выросла с 34 % до 44 % за период с 2000 по 2020 г.; когда Рейган пришел к власти, этот показатель был еще ниже — 33 %, при Рейгане он вырос до 37 %. Характерно, что все 1990-е гг. данный показатель устойчиво снижался и достиг низшего уровня в 2000 г. С тех пор он никогда не достигал столь низкого уровня «сытых 1990-х»⁸.

Почему же усилился конфликт между двумя партиями США? Почему от взаимных подарков ручек в 1990-е партии перешли к взаимному троллингу и нерукопожатости?

Элионор Остром в книге «Управляя общим» [Остром 2011] описала процесс рассеивания ренты в результате того, что благо находится в общем ведении, тогда ни у кого нет стимулов к рациональному использованию ограниченных ресурсов. Если пасти скот может каждый на участке земли, который принадлежит всем, то никто не будет заботиться о том, что земля через какое-то время будет непригодна для использования. Частная собственность позволяет решить эту проблему.

Похожая ситуация работает на политическом рынке, где действует процесс перераспределения «общего блага» — бюджета, который формально чиновникам и политикам не принадлежит, но и каждый индивид не может на него претендовать. Чем больше этот фонд, тем больше стимулов «захватывать регулятора», тем большую выгоду получает победитель на политическом рынке. Причем не только в виде бюджетных средств, но и в виде дискреционных полномочий.

Ту же идею относительно использования «общинных ресурсов» описал задолго до Остром Л. фон Мизес в трактате «Человеческая деятельность»⁹.

⁸ URL: <https://tradingeconomics.com/ united-states/government-spending-to-gdp>

⁹ «Крайним примером является... случай ничейной собственности. Если земель не владеет никто, несмотря на то что юридический формализм может называть ее общественной собственностью, ею пользуются, не обращая внимания на возникающий ущерб. Те, кто в состоянии присвоить себе доходы за древесину и дичь лесов, рыбу акваторий, полезные ископаемые недр, не заботятся о последствиях своего способа эксплуатации. Для них эрозия почвы, истощение исчерпываемых ресурсов и любое иное ухудшение будущего использования являются внешними издержками и не входят в их расчеты затрат и результатов. Они сводят лес, не обращая внимания на молодые побеги или лесовозобновление. В охоте и рыболовстве они не стараются избегать методов, затрудняющих восстановление популяции в охотничьих и рыболовных угодьях. Тогда часть людей выбирает определенные

Такой процесс неизбежно усиливает конфронтацию между борющимися сторонами по мере увеличения размера этого «пирога». Если победитель получает все, то задача состоит как минимум в том, чтобы противоположная сторона не захватила власть. В такой ситуации любые средства хороши, в том числе использовать СМИ как «ментальных загрязнителей»; так как «общественное мнение» никому не принадлежит, то можно передавать экстерналии другим членам общества.

Для этого идеально подходит демократическое правление с высокой долей государственных расходов: «Демократия сопряжена с более абстрактным внешним эффектом: ментальным загрязнением систематически предвзятыми взглядами» [Каплан 2012, с. 282].

Кроме того, политический рынок характеризуется нарастанием отрицательных экстерналий по мере увеличения самого политического рынка. Последний же становится больше, когда увеличивается доля государственных расходов в ВВП. Именно этот процесс и происходил с начала 1990-х до 2017 г. Показатель доли государственных расходов в ВВП увеличился за этот период на $1/3$ ¹⁰.

Как следствие — усиление раскола: если не вам достанутся полномочия, а вашим конкурентам, то вы лишитесь доступа к управлению «общим благом», политика будет в руках ваших врагов.

Как заметил еще Аристотель, которого Айн Рэнд считала единственным философом: «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им, и менее заботятся они о том, что является общим» [Аристотель 2008, с. 707].

Чем больше становилась доля расходов, финансируемых централизованно, тем больше появлялось желающих перейти от предпринимательства к поиску ренты: путь, обратный тому, что вызвал промышленную революцию в Англии.

Процесс этатизации экономики и общества затянулся на несколько десятилетий.

способы удовлетворения потребностей просто потому, что часть издержек взыскивается не с них, а с других людей» [Мизес 2005, с. 616].

¹⁰ URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/government-spending-to-gdp>

Сытые 1990-е

1990-е гг. были удивительным временем для США. Временем процветания и высоких индивидуальных свобод по сравнению с тем, что последовало далее.

Хотя Буш-старший на выборах 1980 г. критиковал Рейгана за его план по снижению налоговых ставок, что в соответствии с кривой Лаффера должно было привести к росту налоговых поступлений. Эту идею он назвал «вуду-экономика» — правда, в дальнейшем отрицал, что использовал такое слово (журналистам удалось доказать обратное). Кроме того, Буш-старший фактически сам стал продолжателем политики «вуду-экономики», хотя и не очень успешным. Рецессия начала 1990-х не позволила ему переизбраться.

В 1992 г. настала эра «сытых 1990-х», именно в тот период наступили последствия тех реформ, которые начал Рейган. История повторялась. Политика Билла Клинтона (р. 1946) напоминала правление Эйзенхауэра (1890–1969): «Демократ Клинтон управлял страной так же, как республиканец Эйзенхауэр, который верил в силу капитализма, но пользовался плодами капиталистического процветания для того, чтобы компенсировать потери проигравших», — писал Гринспен [Усанов 2020].

1990-е — это не только годы высокой индивидуальной свободы, но и почти полной свободы слова и отсутствия политического трайбализма.

Следующий сюжет позволяет увидеть, как сильно изменился мир за последние 25 лет. Известный баскетболист Майкл Джордан (р. 1963) во время выборов в 1990-е, когда его как афроамериканского спортсмена попросили поддержать демократического кандидата, ответил на просьбу отказом, так как «республиканцы тоже покупают кроссовки», которые он активно рекламировал. Барак Обама не может это простить Джордану и сейчас. Сложно представить, что бы ждало Джордана, если бы он это сказал не в 1990-е, а в 2020 г. Были времена, когда здравый смысл был важнее групповой идентичности¹¹.

Благодаря возвращению духа капитализма США после Рейгана смогли стать центром высокотехнологического бизнеса, создав новую революцию в технологиях, которую возглавили такие корпорации, как Microsoft и Apple, за этим последовала и интернет-революция. В период правления Клинтона индекс Доу — Джонса ежегодно ставил новые

¹¹ См. документальный фильм «Последний танец» (2020). URL: <https://m.imdb.com/title/tt8420184/>

рекорды: экономика процветала. Демонстрируя невиданные темпы роста и оптимизм инвесторов. За второй срок Клинтона индекс Доу — Джонса вырос в два раза. Инноваторы процветали и вместе с ними рядовые потребители: Билл Гейтс переиграл IBM и покорила мировую экономику. Создатель всемирно известной сети Starbucks Говард Шульц предложил Америке альтернативу традиционно плохому кофе в США, на которое жаловался даже Иосиф Бродский в эмиграции. Фред Смит создал логистическую компанию FedEx на основе бизнес-плана, до этого противоречащего здравому смыслу (направлять все посылки в центральный хаб, прежде чем отправлять их адресатам), что его преподаватель в Йельском университете поставил ему за первое описание этой идеи оценку «С» (тройку). В процесс создания инноваций включились и университеты. Ведущие университеты США предоставляли научные парки, лаборатории, бизнес-инкубаторы и венчурное финансирование. Интеллект и капитал работали рука об руку. Рекордный приток мигрантов при низком значении социальных расходов обеспечивал надежный приток мотивированной рабочей и интеллектуальной силы. Однако «созидательное разрушение» лучше всего видно по скорости, с которой большие американские компании покидали список Forbes500: за 20 лет срок пребывания в нем упал вчетверо, что говорит о высокой конкуренции и сложности удержать свои позиции на высокоинновационном рынке. Бюрократизация убивает дух свободного предпринимательства и капитализма, а вместе и дух инноваций, о котором писал Й. Шумпетер. Сокращение бюрократизации порождает обратные процессы. Общество и политики в США забыли об этом в 1960–1970-е. Похоже, в начале 2020-х снова эти уроки забыли политики и общество [Гринспен, Вулдридж 2020].

Американцы вновь стали нацией акционеров. Многократно вырос объем торгов на Нью-Йоркской фондовой бирже: в 1960 г. на рынке обращалось 3 млн акций в день, в 1990 г. — 160 млн, а в 2007 г. цифра стала астрономической — 1,6 млрд. Это превышало численность населения США в пять раз. Неудивительно, что рынок был явно перегрет к началу ипотечного кризиса 2007–2009 гг. [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 382].

Благодаря рыночным реформам стала возрастать роль женщин в экономике, в которой до этого доминировали мужчины. Так, доля мужчин в возрасте от 16 до 64 лет, занятых на рынке труда, упала с 91 % в 1950 г. до 84 % в 2000 г., а доля женщин выросла с 37 % до 71 % [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 406].

Значительно увеличилась доля финансового сектора в ВВП США. Вклад в ВВП, формируемый финансовой отраслью и страхованием,

устойчиво рос с 2,4 % в 1947 г. до 7,6 % в 2006 г. [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 407].

Однако не все было гладко. Азиатский кризис 1997 г. докатился и до Америки, хотя в 1997 г. фонд LTCM считал, что вероятность банкротства фонда LTCM — раз в 1 млрд лет, в его состав входили два нобелевских лауреата, фактически же он прекратил существование в следующем году. Членами совета директоров LTCM были Майрон Шоулз и Роберт Мертон, получившие в 1997 г. Нобелевскую премию по экономике с формулировкой «за новый метод определения стоимости деривативов», который считался общепринятым. Однако именно пагубная самонадеянность технократов и привела к просчетам и банкротству. К счастью для США, этот кризис не вызвал такой реакции, как последующий, и был быстро купирован. Однако уже в 2003 г. экономисты вновь обрели «нирвану»: так, в 2003 г. Р. Лукас заявил, что «проблема экономических кризисов решена окончательно, их больше не будет»¹². А МВФ на основе прогноза своих экономистов предсказывал экономический рост в 2007 г. и последующих годах. Вера в технократию порождает явление, которое Насим Талеб назвал хрупкостью [Талеб 2019].

Несмотря на высокие темпы экономического роста, что считается неизбежным фактором ухудшения экологии, борьба с загрязнением велась активно. Реальный ВВП США в период 1980–2000 гг. удвоился, при этом общий тоннаж сырья, потребленного американской экономикой, в эти два десятилетия не изменился. Экономический рост той эпохи нельзя объяснить лишь увеличением количества факторов производства, за счет инноваций и технического прогресса экономика росла посредством не экстенсивного, а интенсивного развития.

Экономика росла в 1990-е гг. на 4 % ежегодно. Это означало, что США каждый год прибавляли, как пишут Гринспен и Вулдридж, по одной российской экономике к своему уровню ВВП [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 408].

Эпоха оптимизма Клинтона, думалось, не будет иметь конца. Казалось, что небо является безоблачным для США и так будет всегда. В 2000 г. Клинтон, выступая перед американцами, говорил: «Нам повезло жить в этот исторический момент. Никогда раньше наша страна не

¹² «Центральная проблема — проблема предотвращения депрессий — решена, причем решена на много десятилетий. Прошло всего четыре года, и маститый экономист в еженедельнике *Economist* констатировал развертывание самого серьезно-го кризиса со времен Великой депрессии...» [Энтон 2019, с. 193–194].

наслаждалась одновременно таким процветанием и таким общественным прогрессом при столь низком уровне внутреннего кризиса и внешних угроз. Мои сограждане-американцы! Мы преодолели мост в двадцать первый век». Мост оказался шатким. Уже в 2001 г. все эти свершения пришлось поставить под сомнение [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 414].

Имевшиеся успехи связывали с достижениями американского капитализма. Считалось, что либеральной демократии нет и не может быть альтернатив. Эпоха этатизма в прошлом. Сэнфорд Икеда по этому поводу мудро заметил в 1996 г., что нельзя счесть окончательной победой либеральной демократии (как считал Фрэнсис Фукуяма в книге «Конец истории») ситуацию, когда больше 43 % экономики продолжает перераспределяться через бюджет [Ikeda 1997, p. 237].

Дэвид Стокман, бывший член команды экономистов при Рейгане, описывает процесс деформации экономики, который начал происходить еще при Рейгане и Буше-старшем (1924–2018), что было незаметно на фоне высоких темпов экономического роста¹³ [Stockman 2013, p. 59–60]. Очень часто в экономике нужно обращать внимание не только на то, что видно, но и на то, что не видно, как учил Фредерик Бастиа [Бастиа 2006].

В начале 2000-х еще был шанс на сохранение прорыночного консенсуса, однако уже не было тех, кто мог бы выступить в качестве морального авторитета, победа идей свободного рынка была признана, но тех, кто действительно глубоко понимал природу капитализма, практически не осталось: Хайек скончался в 1992 г., Ротбард — в 1995 г., Фридман ушел на пенсию и покинул чикагский университет в середине 1990-х. Рэнд, Мизес, Хайек, Тэтчер — фигур подобного масштаба уже не находилось, 2000-е не породили новых известных и влиятельных интеллектуалов — защитников капитализма. Шанс был упущен, интеллектуальный авторитет идей сторонников капитализма оказался растрочен. Зато левые интеллектуалы смогли отыгаться на волне популярности антикапиталистических настроений 2010-х.

Крутая горка первого десятилетия XXI в.

Представления Клинтона о безоблачности будущего очень быстро были похоронены событиями при президенте Буше-младшем: объявила

¹³ Характерно название параграфа — “The Keynesian Boom Under Reagan and Bush” («Кейнсианский бум в период Рейгана и Буша-ст.»).

о банкротстве крупнейшая энергетическая компания Enron, были обнаружены махинации в отчетности ряда влиятельных корпораций, прекратила свое существование известная аудиторская компания Arthur Andersen, атака террористов 11 сентября 2001 г. вызвала экономический спад, на который правительство отреагировало решительно по-кейнсиански. Пришлось отказаться от планов профицитного бюджета (которые были достижением Клинтона), вместо этого после 2001 г. дефицит бюджета только рос. Ну и на десерт при Буше-младшем наступил крупнейший после Великой депрессии финансовый кризис. Начиналось десятилетие эпохой оптимизма и экономического роста, а закончилось апокалиптическими прогнозами и ожиданиями окончательного краха капитализма [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 415].

В ответ на террористический акт 11 сентября США масштабно нарастили военную мощь, вторглись в Афганистан и Ирак, были усилены меры контроля, правительство значительно расширило свое вмешательство в личные свободы граждан. Террористическая атака и реакция на нее вызвали как большие проблемы в краткосрочном периоде для экономики, так и стратегически изменили баланс в пользу интервенционизма. В дальнейшем правительству было довольно просто аргументировать расширение масштабов деятельности государства. Сопротивление процессу этатизации экономики и общества было сломлено. Правительство значительно расширило свое вмешательство в период до кризиса 2007–2009 гг.

Рост размеров государства потребовал и новых технологий управления общественным мнением. Талеб так характеризовал деятельность социальных сетей, которые, как предполагается, делают человека более информированным. На самом деле, по мнению Талеба, человек, в них погруженный, все больше теряет связь с реальностью: «...образованный человек получает информацию в основном не из окружающего мира, а от других людей — из журналов, соцсетей, от разных авторитетов. Самая страшная патология нашего времени — потеря контакта с реальностью»¹⁴.

Ничего удивительного, что политики и СМИ создали в США успешный альянс. И тем и другим не приходится брать риск, «рисковать собственной шкуркой», по словам Талеба. «Почему политики нашего времени так безответственны? Потому что им не угрожают последствия их

¹⁴ URL: https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c

решений. В своей книге “Skin In the Game. The Thrills and Logic of Risk Taking” (“Рискуя своей шкурой. Страхи и логика принятия рисков”), я отстаиваю мнение: адекватные решения принимаются только тогда, когда человек “рискует своей шкурой”. Сейчас политики управляют своими странами и миром в целом так, словно в компьютерную игру играют: риски нулевые, а значит, и решения будут неадекватными»¹⁵ [Талеб 2018].

Кроме роста государственных расходов, вполне в кейнсианском духе, Буш-младший начал снижать налоги, он был убежден в том, что Америке необходим фискальный рывок, чтобы за счет увеличения совокупного спроса перезапустить американскую экономику. Эти действия запустили долгосрочный механизм, который привел к ипотечному кризису [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 420].

Ящик Пандоры был открыт Бушем-младшим. К процессу безудержных трат не без удовольствия присоединился Конгресс. При Буше-младшем многократно выросло общее число программ целевого финансирования из бюджета, они выросли с 3023 в 1996 г. до почти 16 000 в 2005 г. Как всегда, политики конкурировали за освоение все новых расходов и государственных программ, не стесняясь покупать голоса избирателей за государственный счет.

В июне 2002 г. Буш-младший запустил программу поддержания рынка недвижимости, обнародовав план «Чертеж американской мечты», его цель была — облегчить покупку жилья людям с низким уровнем доходов, которым по чисто экономическим принципам нельзя было выдавать кредит, который они не смогут вернуть. В этом решении следует искать корни кризиса субстандартной ипотеки. Заемщикам с недостаточными финансовыми доходами выдавались ипотечные кредиты под плавающий процент, привязанный к ставке ФРС. Когда она выросла в пять раз, всем стало очевидно, что субстандартным заемщикам нечем платить, это запустило волну банкротств заемщиков, банков и эмитентов закладных. Процесс же был запущен благодаря действиям президента и Конгресса [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 420].

В 2000-е не только был запущен бум на рынке недвижимости, но и начался бум секьюритизации, который надстраивался над рынком жилья и создавал иллюзию нулевых рисков ипотечных облигаций. При этом средняя цена на дома в США быстро росла: в 2004 г. выросла на

¹⁵ URL: https://www.rbc.ru/interview/own_business/16/11/2017/5a0c361d9a7947003e4aff7c

16 %, а в 2005 г. — на 15 %. Стало выгодно брать ипотечный кредит, дожидаться роста стоимости жилья и потом продавать его, рефинансируя кредит на более дорогое жилье. Часть денег, таким образом, оставалась еще на саму жизнь. Это называлось использовать ипотеку как банкомат [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 426–427].

Особую роль в развертывании кризиса сыграли ипотечные агентства, созданные государством; государство стимулировало ипотечные агентства Fannie Mae и Freddie Mac наращивать кредитный портфель за счет самых бедных американцев. Fannie Mae и Freddie Mac являются обычным примером государственного вмешательства в дела бизнеса. Вначале они были созданы как федеральные агентства в 1938 и 1970 гг. соответственно, но позже преобразованы в акционерные общества. Получился странный симбиоз из частных стимулов и зарплат (платили топ-менеджменту зарплату, как в крупнейших частных корпорациях) и государственных привилегий и сильного лобби в Конгрессе (возможность получать кредиты под льготный процент). Идеальный пример для Public Choice Theory. Они научились с помощью секьюритизации упаковывать ипотечные кредиты в ценные бумаги и продавать их инвесторам, все это происходило при явной и неявной поддержке правительства США [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 428].

Даже когда стало очевидно, что на рынке надулся гигантский пузырь, никто не рисковал признать, что «король голый». Даже директор Citigroup в 2007 г. вынужден был заявить: «Когда музыка остановится [прекратится вливание ликвидности], все будет сложно. Но пока она играет, вы должны оставаться на ногах и танцевать. Мы все еще танцуем» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 431]. В 2007 г. «музыка остановилась», пришел час расплаты.

Великая рецессия

Кризис стал абсолютной неожиданностью для политических элит США и открыл окно возможностей для левой альтернативы. Итальянский экономист Энрико Коломбатто в книге «Рынки, мораль и экономическая политика» так описывает реакцию на ипотечный кризис в США и истоки такого поведения противников капитализма: «Когда в начале 2009 г. так называемый кризис субстандартных закладных достиг своего пика, противники свободной рыночной экономики поняли, что наконец-то получили возможность вернуться на первые полосы газет. В действи-

тельности они не переставали надеяться на «интеллектуальное возвращение» в течение всего периода долгого молчания, начавшегося сразу после 1989 г., когда потерпела крах система централизованного планирования» [Коломбатто 2016, с. 11].

Многие предупреждали о возможности кризиса. Однако их голоса не были услышаны.

Несмотря на то что валюты развивающихся стран, таких как Россия, быстро дешевеют вследствие активной эмиссии, на Западе происходит схожий процесс, только более медленный: «Наиболее успешные и стабильные валюты мира резко потеряли в цене относительно золота, и на данный момент их стоимость составляет всего 2–3 процента от стоимости в 1971 г., когда они были отпущены в свободное плавание». В развитых странах значительно сокращается процент накоплений, без которого невозможно устойчивое развитие экономики, зато увеличивается государственный долг. Как пишет Сейфедин Аммус: «Результат 46-летнего эксперимента со свободно плавающими национальными валютами подтверждает этот вывод. В развитых странах постоянно снижается процент накоплений, тогда как индивидуальные, муниципальные и государственные долги достигли немислимых в прошлом размеров» [Аммус 2019, с. 93–95].

Крах субстандартной ипотеки 2007–2009 гг. либертарианские теоретики предсказали задолго до этого на основе австрийской теории экономического цикла [Huebert 2010, p. 56–59].

Кризис 2007–2009 гг. породили два диаметрально противоположных движения: движение чаепития и Оскура Wall-Street. Оба со временем утратили непосредственное влияние на политику. Если движение чаепития, кажется, растворилось, то противники Wall-Street выбрали для себя новую мишень — Трампа. Однако он для них всего лишь временный противник, олицетворение той Америки, которую они мечтают уничтожить.

Левые интеллектуалы еще с начала 1990-х грезили о реванше. Когда начался кризис, они использовали моральную дезориентацию как средство переманить на свою сторону колеблющихся. За счет этого консенсус сдвинулся в сторону левой повестки: медианный избиратель из сторонника рыночной экономики стал уверенным этатистом или даже социалистом.

В кризисе 2007 г. поначалу не было ничего особенного, это был обычный циклический кризис, происходящий примерно раз в десять лет, вписывающийся в монетарную теорию цикла австрийской школы. Бум начался в 2001 г., когда кредитная экспансия ФРС сделала процент ниже

естественного уровня (до 1 % и держала его на этом уровне три года). Данный процесс запустил более окольные методы производства (бум на рынке недвижимости, рост фондового рынка), одновременно с удлинением структуры производства происходило увеличение потребления (потребительский бум середины 2000-х). В 2006 г. ФРС, опасаясь перегрева экономики и инфляции, стала повышать процент (увеличение до 5,25 %). На каком-то этапе выяснилось, что в экономике недостаточно запаса капитала для завершения всех начатых цепочек производства (произошли банкротства банков, инвестиционных компаний и строительных компаний, ипотечным агентствам правительство не дало разориться). Если бы не вмешательство правительства, то произошла бы корректировка структуры производства в соответствии с имеющимися ресурсами. Вливание триллионов долларов ликвидности, бюджетные траты и сохранение «компаний-зомби» привели к тому, что кризис затянулся на несколько лет. Долгосрочные же последствия (например, в виде роста размеров государства) действуют и сейчас [Уэрта де Сото 2008].

Однако у кризиса в 2007–2009 гг. была и своя специфика. На его циклическую природу наслонились особые регуляции, созданные задолго до этого: «Закон о реинвестировании в общинах» и нормы, регулирующие резервирование у коммерческих банков в пользу ипотечных облигаций. У обеих мер были политические истоки: политики проталкивали идеи по обеспечению неплатежеспособного населения собственной недвижимостью (что позволяло заполучить их голоса), а также выкуп облигаций давал возможность увеличить вес ипотечных агентств, созданных правительством. Этот процесс детально описан в книге «Руководный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования» [Фридман, Краус 2017].

Кроме того, специфика ипотечного кризиса состояла в том, что были приняты беспрецедентные меры по спасению банков и крупнейших компаний. Три причины послужили тому, что ценам и ресурсам не дали приспособиться к спросу и предложению, что замедлило процесс восстановления экономики:

1. Правительство не дало упасть заработной плате, вырасти безработице и адаптироваться ценам к новым условиям.

2. Были выборочно и без особой логики национализированы крупнейшие компании и банки (правда, потом их приватизировали, что способствовало росту в 2012–2016 гг.).

3. ФРС влила колоссальную ликвидность, что сохранило рыночные цены искаженными, а предпринимателей дезинформированными.

Рост начался только во второй срок правления президента Обамы, когда Конгресс повязал по рукам и ногам все проекты президента как автора «Нового Нового курса», который он провозгласил, но не смог даже начать. Именно это позволило экономике достаточно быстро расти в 2012–2016 гг.

Мало кто мог разглядеть в 1990-х тенденции, которые приведут к глобальному кризису. Большинство экономистов считали, что новый кризис, да еще и начавшийся в самих США, невозможен. ФРС полностью контролирует ситуацию, а экономисты-кейнсианцы подскажут, как не допустить формирования финансового пузыря задолго до его появления. Предыдущие кризисы (1987 и 1997 гг.) были непродолжительными и не оказали существенного влияния на экономику (случай кризиса 1987 г.) либо событиями за пределами США (азиатский кризис 1997 г.). Ипотечный кризис произошел в финансовом центре, в самих США, вызвав панику в умах как политиков, так и экономистов.

Уильям Боннер и Эддисон Уиггин смогли рассмотреть опасности мягкой денежно-кредитной политики ФРС, которую начал проводить в 1990-е еще Гринспен. Свою книгу в 2003 г. они назвали «Судный день американских финансов. Мягкая депрессия XX века», где предсказывали наступление финансового кризиса как расплаты за накачку экономики деньгами и рост государственного долга. В 2007 г. начался крупнейший экономический кризис в США со времен Великой депрессии [Боннер, Уиггин 2006]¹⁶.

Реакция на кризис была решительно интервенционистской, подобного не происходило в США довольно давно, со времен стагфляции 1970-х кейнсианцы не имели такого влияния на фискальную и монетарную политику. С начала кризиса 2007–2009 гг. государство совершило множество экономических интервенций как в США, так и в Европе: это спасение инвестиционных банков (Citigroup, Merrill Lynch, UBS), программа количественного смягчения (рост денежной базы на \$ 4,5 трлн), понижение процента ФРС с 5,25 % до 0–0,25 %. Кроме того, в 2010 г. Конгресс одобрил реформу здравоохранения (Obamacare); произошел рост предельной ставки подоходного налога (с 35 % до 40 %); был введен отрицательный процент в некоторых европейских странах; ЕЦБ разрешил напрямую выкупать долговые обязательства государств; государственный долг вырос в США на \$ 10 трлн (с \$ 9 трлн до \$ 19 трлн);

¹⁶ Благодаря издательству «Социум» и у российских читателей была возможность подготовиться к кризису 2007–2009 гг. Однако, видимо, главное еще впереди.

была выделена помощь Греции (400 млрд евро); были национализированы вклады на Кипре (10 %); проведен референдум о едином доходе. Это далеко не полный перечень действий правительств после кризиса, но уже их достаточно для понимания того, в каком направлении двигались страны: в сторону усиления государственного регулирования экономики.

Дмитрий Травин предупреждал об опасности строительства пирамиды государственного долга в США и еще в 2016 г. писал о высокой вероятности кризиса: «Признаков кризиса сегодня просматривается довольно много. Пирамиды государственного долга возвышаются по всему миру, начиная с США. Запад живет не по средствам, потребляя существенно больше, чем производит. Интенсивная бюрократизация Евросоюза грозит ввести западный демократический капитализм примерно в такое же состояние стагнации, в каком уже находится наш клептократический капитализм» [Травин 2016, с. 346–347].

Спусковым механизмом нового кризиса 2019–2021 гг. стала не пандемия, а денежная политика ФРС, державшая процент на беспрецедентно низком уровне (0–0,25 %) десять лет. Если бы не пандемия, было бы очевидно, кто является виновником кризиса.

В период первого срока правления Обамы осуществлялись меры по стимулированию выхода из кризиса. Фактически они лишь продлили его. Главное же достижение второго срока Обамы — в том, что он не выполнил обещанное — стать новым Франклином Рузвельтом и автором «Нового Нового курса». Это «достижение» позволило экономике выйти из кризиса.

В период правления Обамы был создан определенный образ президента, который можно сравнить с культом. Он рассматривался как спаситель нации от новой Великой депрессии. В серии лекций на «Арзамасе» известный американист Иван Курилла объясняет то, как происходила героизация отцов-основателей США, что мифотворчество — не только явление, хорошо известное по различным одиозным режимам XX в., но и интеллектуальная история США невозможна без культа Томаса Джефферсона, Александра Гамильтона и Джеймса Мэдисона и даже сравнивает советский культ Владимира Ленина с культом Джорджа Вашингтона¹⁷. Как пишет Иван Курилла о профессии историка в XX в.: «Выросла роль историка в написании истории: стало ясно, что от постановки историком вопроса зависел результат его исследования. Это открытие имело

¹⁷ URL: <https://arzamas.academy/materials/1337>

как методологическое значение, так и политические последствия» [Куррилла 2017, с. 95]. Многие историки торопились включить Обаму в список великих или даже величайших президентов США.

У экономистов, проводивших политику накачки экономики деньгами, была своя версия ответа на вопрос о причинах кризиса.

Глава ФРС в период финансового кризиса Бен Бернанке видел источник кризиса в недостаточности совокупного спроса [Bordo 2013, p. 1195–1198]. Экономисты извлекли из кризиса следующий урок: «То, что началось в 2007 году как финансовый кризис на рынке ипотечных облигаций США, привело к мировому экономическому кризису к концу 2008 — началу 2009 г. Из того, что произошло, можно извлечь два ключевых урока. Во-первых, глобальная финансовая система гораздо более взаимосвязана, чем считалось ранее, и чрезмерные риски, которые угрожали краху мировой финансовой системы, были гораздо более распространенными, чем кто-либо предполагал. Понимание того, как может возникать системный риск, и разработка политики, сдерживающей принятие этого риска, являются первоочередными задачами. Во-вторых, экстраординарные действия центральных банков и правительств позволили купировать глобальный кризис» [Mishkin 2011, p. 68].

То есть кризис породил нерегулируемый рынок, а правительства и центральные банки позволили его преодолеть — такой вывод сделали эти экономисты.

В своих выступлениях Бернанке пришел к схожим выводам [Bernanke 2009].

Это разительно отличается от доклада Бернанке 2002 г. в честь Милтона Фридмана, который, как известно, был противником кейнсианских методов регулирования экономики [Bernanke 2002].

К сожалению, как говорил Л. фон Мизес, так же как и в период Великой депрессии: «Никто не стремился указать на настоящего виновника кризиса: на ложную экономическую теорию» [Мизес 2020, с. 87].

Какие следовало извлечь уроки из финансового кризиса 2007–2009 гг.? Прежде всего необходимо было признать, что источник кризиса — кредитная экспансия центральных банков и тот метод лечения, какой был выбран центральными банками (вливание ликвидности и понижение процентной ставки), идентичен средству, которое привело к кризису. Следовало осознать, что по этой причине неизбежен еще более жесткий и глубокий кризис, вызванный ошибочными действиями властей. Вместо вливания ликвидности, что не способствовало выходу из кризиса, необходимо было начать реформировать институциональное

устройство современной денежной системы и банковского дела, что маловероятно по политическим причинам. Вместо дерегулирования банковской деятельности — необходимого средства предотвращения кризисов — банковская система была подчинена еще большему интервенционизму. Фактически банки превратились в бюрократические конторы; даже банковский мультипликатор стал меньше единицы. Кредитную экспансию нынче запускает только Центральный банк. Вместо этого политики и социальные активисты всю вину взвалили на жадность банкиров, иррациональность финансовых рынков и «неолиберальную» политику правительства.

Взлет левых идей

Примерно тогда же был запущен в научный и околонучный оборот термин «неолиберализм» — клише противников капитализма, которое они навешивали на всех сторонников рыночной экономики. Фактически это карикатура на принципы классического либерализма. С середины 1990-х устойчиво растет индекс цитирования «неолиберализма». Слово не имеет смысла, зато оказывает воздействие на подрастающее поколение и на массы. За несколько лет, с 1992 по 2000 г., индекс цитирования «неолиберализма» вырос в 100 раз [Taylor, Voas, Gans-Morse 2009, p. 137–161].

В своей книге Стедмен-Джоунз разобрал историю неолиберализма. В целом правдивое описание этого феномена очень далеко от той карикатуры, которая была создана левыми интеллектуалами в 1990-е. Сам термин впервые был предложен на коллоквиуме 1938 г., участники которого его одобрили. В коллоквиуме приняли участие Фридрих Хайек, Александр Рюстов, Вильгельм Репке, Людвиг фон Мизес, Майкл Полани и Жак Рюэфф. Однако для участников этот термин означал некий ребрендинг классического либерализма, а не формирование новой идеологии. Противники свободного рынка приписывают его сторонникам желание того, чтобы все продавалось за деньги и чтобы «богатые богатели, а бедные беднели». Естественно, подтвердить такую позицию цитатами невозможно, так как ни Фридрих Хайек, ни Людвиг фон Мизес не выражали никогда таких идей. Однако термин «был запущен в голову буржуазии» (выражаясь словами Маркса) и образ врага был создан — «неолиберализм». На сегодняшний день термин носит исключительно ругательный характер [Стедмен-Джоунз 2020, с. 25].

Знаменский в своей книге о социализме «Социализм как секулярная религия» пишет о том, как был запущен фейковый термин «неолиберализм» в массовое сознание. Он был создан для дискредитации идей свободного рынка, капитализма и верховенства права. Сторонники «неолиберализма» изображались противниками бедных, сторонниками разврата и неокOLONиализма [Znamenski 2021, p. 299–317].

Не следует считать, что объяснение роста левых настроений основано на теории заговора интеллектуалов. Скорее, речь идет о стимулах, которые вполне естественны для любой группы интересов. Автор не обвиняет кого-то конкретно в этом процессе, но лишь указывает на связь между гомогенностью интеллектуального сообщества и усилением антикапиталистической ментальности в США в последние 30 лет. Вполне можно предположить, что многие интеллектуалы совершенно искренне считают капитализм абсолютным злом. Хотя в краткосрочном периоде интеллектуалы не способны влиять на политику, в долгосрочном периоде благодаря системе образования и книгам их влияние оказывается крайне существенным. Как писал Хайек: «Во всех демократических странах, а в США даже больше, чем где бы то ни было, существует прочное убеждение, что влияние интеллектуалов на политику ничтожно. Это без сомнения так, если говорить о возможности интеллектуалов навязывать свое, отличное от массового мнение при принятии текущих решений. Но на длинных промежутках времени их влияние в этих странах еще никогда не было столь велико. Источником их власти является влияние на формирование общественного мнения. В свете недавней истории любопытно, что эта решающая власть торговцев подержанными идеями еще не вполне осознана» [Хайек 2020, с. 229].

В сытые 1990-е и 2000-е был шанс на укрепление идей свободного рынка и капитализма, однако он был упущен: не осталось тех моральных авторитетов, которые вызвали движение от социализма и этатизма в 1980-е; большие усилия были направлены на политическую борьбу, чем на рынок идей; система образования также стала активно распространять идеи социализма. Очевидно, в популярности социализма и этатизма виноваты и интеллектуалы-сторонники капитализма. Как писал Хайек: «Успех социалистов должен научить нас тому, что именно их отважный утопизм обеспечил им поддержку интеллектуалов и влияние на общественное мнение, которое ежедневно делает возможным то, что еще вчера казалось недостижимым. Те, кто ограничивал себя только практически возможным (при данном состоянии общественного мне-

ния), постоянно обнаруживали, что их усилия делаются политически нереализуемыми из-за изменения общественного мнения, которое они и не пытались направлять. Если мы не сумеем еще раз сделать философское обоснование свободного общества животрепещущим вопросом интеллектуальной жизни, если не сумеем привлечь к этому наши лучшие и самые энергичные умы, перспективы свободы безрадостны. Но битва еще не проиграна, если мы сумеем возродить ту веру во власть идей, которая отличала либерализм в его лучшие дни» [Хайек 2020, с. 258].

Фактически же интеллектуальное сообщество почти однородно в своем осуждении капитализма, все меньше слышно голосов в защиту капитализма, само это слово вновь стало ругательным.

Левые настроения крайне распространены среди историков, филологов, антропологов и социологов. Идеи этатизма — консенсус среди экономистов мейнстрима.

Ничего удивительного, что кризис привел людей в объятия тех, кто желает возродить социализм в той или иной форме.

Как отмечает Ростислав Капелюшников: «В последние десятилетия экономическая наука вслед за другими социальными дисциплинами становилась идеологически все более и более гомогенной. По данным опроса 2016 г., в настоящее время соотношение между сторонниками демократов и республиканцев среди университетских экономистов составляет 4,5:1. Еще десять лет назад разница была намного меньше — 2,7:1. При этом среди экономистов моложе 35 лет преобладание сторонников демократической партии оказывается вдвое выше — 9:1. Конечно, экономистам пока еще далеко до историков, где аналогичная пропорция составляет 34:1 (журналисты — 20:1; психологи — 17:1; юристы — 9:1). Тем не менее тренд ко все большей идеологической однородности экономической профессии налицо. Существует опасность, что это может отрицательно сказаться на конкуренции идей внутри сообщества экономистов и при определенных условиях даже привести к серьезным ограничениям свободы мысли. Идеологический диктат внутри академии — достаточно реальная перспектива, которая не сулит экономической науке в будущем ничего хорошего. С практической точки зрения устойчивое возрастание доли экономистов с левыми или полуплевыми политическими взглядами означает, что в ближайшие десятилетия нам предстоит, по-видимому, стать очевидцами ползучего усиления государственного вмешательства в экономику, причем в самых разнообразных, подчас неожиданных формах» [Капелюшников 2018, с. 19–20].

Исследования показывают, что доля левых интеллектуалов в университетах устойчиво растет последние 30 лет¹⁸. Эта тенденция началась не вчера, но набрала силу именно после 1988 г. [Kimball 2008].

С 1988 по 2016 г. доля сторонников капитализма сократилась на 7,8 % в государственных университетах (теперь их меньше 10 %), на 6,4 % в частных университетах и 12,9 % в колледжах. Доля сторонников капитализма в зависимости от вида учебного заведения колеблется в районе 15 %. Остальные профессора являются в той или иной степени противниками капитализма и сторонниками этатизма и социализма¹⁹ [Abrams 2016].

Среди экономистов крайне популярны идеи дирижизма в монетарной и фискальной сферах. Тест на прорыночность сдадут лишь 15 % экономистов, подавляющее большинство ратует за интервенционизм [Усанов 2019, с. 321].

Слово «либерализм»

Как говорил Конфуций: «Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу». Когда термин либерализм был захвачен в 1930-е гг. социалистами в стиле Джона Дьюи, тогда и со свободой начались существенные проблемы [Усанов 2017].

Когда «неолибералами» стали называть сторонников классического либерализма, на смену эпохе идеи ограниченного государства вновь пришел Левиафан.

Американский философ Джон Дьюи в разгар Великой депрессии в США в 1935 г. призывал американское общество к «либерализму», вот только найти отличия его программы от лозунгов коллективистов было непросто: «Задачи, которые ставит перед собой либерализм, могут быть достигнуты только в том случае, если контроль над средствами производства и распределение изъятых из рук отдельных лиц, которые действуют, исходя из узких индивидуальных интересов. Цели индивидов сохраняют свое значение, но способы их достижения должны быть

¹⁸ URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2016/oct/6/liberal-professors-outnumber-conservatives-12-1/>

¹⁹ URL: https://www.researchgate.net/publication/312229229_The_Contented_Professors_How_Conservative_Faculty_See_Themselves_within_the_Academy

радикально изменены за счет новых экономических и политических институтов. Эти изменения необходимы для того, чтобы социальный контроль над социальными процессами и учреждениями мог привести к полному освобождению всех людей, связанных вместе в великом начинании построения жизни, которая способствует свободе каждого человека». В 1935 г. многие интеллектуалы мыслили себе свободу лишь при отсутствии частной собственности на средства производства, в этом они мало отличались от автора «Манифеста Коммунистической партии» [Dewey 1987, p. 627–628].

Следует отметить, что сегодня левые часто называют себя «либералами», это самоназвание не следует путать с идеями классического либерализма. Данная тенденция началась задолго до исследуемого периода. Как писал в свое время Л. фон Мизес: «Сегодня принципы философии либерализма XIX в. почти забыты. В континентальной Европе их помнят немногие. В Соединенных Штатах “либеральный” означает сегодня комплекс идей и политических постулатов, во всех отношениях противоположных тому, что под либерализмом подразумевали предыдущие поколения. Самозванный американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринимательства и отстаивает всестороннее планирование, осуществляемое властями, т. е. социализм» [Мизес 2011, с. 8].

Мизес считал классическим либерализмом идеи ограниченного правительства, свободного рынка и предпринимательства, именно они породили промышленную революцию и капитализм: «Философы и экономисты XVIII — начала XIX вв. сформулировали политическую программу, служившую руководством для социально-экономической политики сначала в Англии и Соединенных Штатах, затем на европейском континенте и наконец в остальных частях населенного мира. В полной мере эта программа не была реализована нигде. Даже в Англии, которую называли родиной либерализма и образцом либеральной страны, сторонникам либеральной политики никогда не удавалось воплотить все свои требования.

Либерализму так и не позволили воплотиться полностью. Тем не менее, каким бы кратковременным и ограниченным ни было господство либеральных идей, этого оказалось достаточно, чтобы изменить облик мира.

Произошел взрыв экономического развития. Освобождение производительной силы человека многократно приумножило средства существования. Накануне мировой войны (которая сама явилась результатом

длительной и ожесточенной борьбы против либерального духа и которая протекала в период еще более ожесточенных нападков на либеральные принципы) мир был населен несравненно более плотно, чем когда бы то ни было, и каждый житель Земли мог жить несравненно лучше, чем это было возможно в прежние века. Процветание, созданное либерализмом, значительно снизило детскую смертность, безжалостный бич более ранних эпох, и в результате улучшения условий жизни увеличило ее среднюю продолжительность» [Мизес 2011, с. 12–13].

Процесс захвата термина «либерализм» начался и завершился еще в 1930-е гг., сам выбор слова говорит о том, что оно ассоциировалось с чем-то хорошим. Однако смысл слова был заменен на противоположный: «Приблизительно с 1900-х и особенно 1930-х данный термин [либерализм] приобрел другое (в действительности противоположное) значение; в качестве высшего, если и ненамеренного комплимента системе частного предпринимательства ее враги сочли разумным присвоить это название» [Шумпетер 2001, с. 518].

Когда рациональные аргументы заменяются классовой борьбой или трайбализмом, в политике центральными становятся довольно одиозные фигуры. В США неприятие истеблишмента породило феномен Трампа.

Явление Трампа

Победа Трампа меньше всего ожидалась истеблишментом, они уже поздравляли друг друга и делили места, еще не зная, что проиграли. По всей видимости, победа Трампа в 2016 г. была вызвана утратой доверия к политическому классу; американская добродетель — недоверие к власти — вызвала своеобразное протестное голосование.

Сам приход Трампа к власти — свидетельство кризиса консенсуса и итог процесса деградации политических элит США.

Неудивительно, что весь истеблишмент сплотился в своей борьбе с Трампом, несистемный кандидат, который может уничтожить столько теплых местечек, — абсолютное зло для политического класса.

Однако Трамп оказался не самым подготовленным к этой должности президентом. Когда он пришел к власти в 2016 г., один из экономистов австрийской школы Фрэнк Шостак назвал его кейнсианцем в статье «Кейнсу бы понравился экономический план Трампа». В 2016 г. это было совсем не очевидно. Тот или иной человек кейнсианец или нет — про-

веряется в беде. Когда наступил кризис 2020 г., Трамп закачал в экономику денег больше, чем Обама, и увеличил государственные расходы до рекордных 44 % ВВП²⁰.

Однако надо признать и заслуги Трампа в экономике. Одна из заслуг администрации Трампа состоит в беспрецедентном снижении налога на прибыль корпораций — с 35 % до 21 %; это позволило привлечь в экономику больше капитала, обеспечить высокие темпы экономического роста и снизить безработицу до самого низкого уровня за последние 50 лет.

Большая же часть его программы носила популистский и интервенционистский характер. В 2016 г. Трамп, кроме строительства стены на границе с Мексикой, предложил новый инфраструктурный план. Он подразумевал, что на это пойдут федеральные траты в размере \$ 200 млрд. Что характерно, Трамп рассчитывал на эффект мультипликатора расходов (одно из понятий кейнсианской теории). \$ 100 млрд — гранты для стимулирования инвестиций штатов и частного сектора; распорядители средств — Минтранс, инженерный корпус армии США, управление по охране окружающей среды. Средства предназначены для модернизации дорог, аэропортов, пассажирского железнодорожного транспорта, портов, противопоаводочных сооружений, объектов водоснабжения, гидроэлектростанций, систем снабжения питьевой водой, систем очистки сточных вод, водостоков, браунфилдов (участки под застройку на ранее использованной территории), \$ 50 млрд — инфраструктурные проекты в сельском хозяйстве в таких сферах, как транспорт, широкополосный интернет, водоснабжение и водостоки, энергетические, электрические и водные ресурсы. Распорядители средств — губернаторы штатов. \$ 20 млрд — новаторские проекты, кардинально изменяющие модели внедрения и использования инфраструктуры. Распорядитель средств — Министерство торговли США. Секторы инвестиций — транспорт, чистая вода, питьевая вода, энергия, широкополосный интернет. \$ 20 млрд — крупные и сложные инфраструктурные проекты, которые должны были финансироваться за счет расширения действующих федеральных программ кредитования, таких как закон о финансировании и обновлении транспортной инфраструктуры, программы восстановления финансирования железных дорог и финансирования водной инфраструктуры, программа служб коммунальных услуг в сельской местности и облигации для

²⁰ URL: <https://mises.org/wire/keynes-would-have-loved-trumps-economic-plan>

поддержки частной деятельности. Еще \$ 20 млрд — средства, которые федеральные агентства смогут использовать для приобретения дорогостоящих объектов недвижимости²¹.

Хотя Трамп принял часть разумных решений с точки зрения экономики, тем не менее его правление вернуло к жизни протекционистскую риторику и политику: необходимо восстановить рабочие места за счет ограничения импорта из Китая, нужно обеспечить справедливые условия внешней торговли путем протекционизма. В январе 2018 г. США ввели пошлины на импорт солнечных панелей и стиральных машин. Правда, они в основном затронули локальные интересы производителей из Китая и Южной Кореи и не вызвали большого шума. Однако после этого Вашингтон ввел 25-процентную пошлину на импорт стали и 10-процентную — на алюминий; это уже привело к более существенным последствиям. Тогда же Трамп объявил о планах обложить налогами импорт из Китая еще на \$ 60 млрд в год и ввести налог 25 % на импорт автомобилей из Европы.

Это напоминает эпоху правления Рейгана, когда ради «справедливой внешней торговли» правительство ограничивало свободу выбора потребителя, не желая, чтобы японская дешевая и качественная продукция занимала свою нишу на рынке США. В 1980 г. роль козла отпущения была у Японии, в 2010-е — у Китая²².

Трамп заменил политику интервенционизма одного вида на интервенционизм иного вида: в правление Обамы делался акцент на перераспределение и регулирование, а в правление Трампа — на протекционизм и государственные расходы на инфраструктуру. Так, в сентябре 2018 г. Трамп ввел тарифы на китайский импорт на \$ 200 млрд, что в совокупности довело общий объем тарифов до \$ 250 млрд [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 468].

Травин в последней главе книги «Крутые горки XXI века» анализирует феномен Трампа, помещая его в контекст еще двух событий последних лет: появление биткойна и выход в свет бестселлера Пикетти «Капитал в XXI веке». Это довольно удачное сопоставление, позволяющее увидеть процесс поляризации: правые, еще недавно считавшие деньги прерогативой государства, теперь ратуют за безгосударственные деньги — биткойн; а левые, еще недавно принимавшие смешанную экономи-

²¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rXIYaeEleps&feature=youtu.be>

²² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rXIYaeEleps&feature=youtu.be>

ку, стали вспоминать рецепты Маркса об экспроприации экспроприаторов [Травин 2019, с. 321].

Выборы 2020 г. показали, насколько поляризовано американское общество.

«Леонид Ильич» Байден

Президентом США в итоге был признан Д. Байден. По всей видимости, впервые параллель между Байденом и Брежневым рассмотрел Андрей Знаменский в марте 2020 г.²³ Интересно, что такую параллель увидели и левые: к примеру, газета Guardian также сравнивала Байдена с Брежневым на том основании, что Байден устраивает их как таран против Трампа, сам же Байден гораздо менее привлекателен для левых, чем Александрия Окасио Кортес (р. 1989) или Берни Сандерс (р. 1941)²⁴.

Почему же Байдена можно сравнить с Брежневым? Конечно же, это сопоставление напрашивается при наблюдении за его речами, которые часто напоминают старческий маразм эпохи застоя в СССР, но только с поправкой на хорошую стоматологию США. Если Трамп запустил, хоть и ненадолго, мотор экономического роста за счет снижения налогов и дерегулирования, то все идеи Байдена носят исключительно бюрократический характер и связаны и раздачей денег и новыми регуляциями.

Следует отметить, что некоторые события последнего времени вызывают опасения в отношении сохранения фундаментальных свобод в США.

Так, в январе 2021 г. был уволен с должности научного сотрудника Института Катона (США) либертарианец Андрей Илларионов, бывший советник президента Путина. Институт Катона всегда позиционировал себя как центр свободного рынка, поддерживающий идеи свободы слова, верховенства права и экономической свободы. Однако после публикации статьи о событиях в Вашингтоне он был уволен. По всей видимости, причина этого состояла в том, что либертарианский центр считал необходимым пойти на уступки в условиях активизации левых протестов в США. Забывая, что, когда придут за самими братьями Кохами, вряд ли найдутся те, кто будет их защищать. Страх перед политкоррект-

²³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=knLLY2ViPI&t=1s>

²⁴ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/06/biden-soviet-russia-status-quo-democratic-ussr>

ностью и истеблишментом толкает даже либертарианские центры поступаться свободой слова²⁵.

Выборы в США 2020 г. привели к расколу в обществе. Причем усилили раскол СМИ и социальные сети, сам факт того, что ведущие интернет-компании Twitter, Facebook и Google посчитали себя вправе вмешаться в выборы и ограничить доступ сторонников Трампа, а позже его заблокировать, говорит о том, что с верховенством права серьезные проблемы в крупнейшей экономике мира. Представители этих компаний открыто признали после выборов, что их «сговор» позволил «сохранить демократию»²⁶. Оказывается, демократия — это когда власти и бизнес объединяются в подавлении свободы слова. Из этого не следует, что нужно государственное вмешательство в деятельность частных компаний, требуется лишь поместить эти компании в общее правовое поле и позволить возбуждать иски против них. Именно государство своими законами вывело данные компании из общего правового поля.

Это напоминает создание в 1913 г. в США Центрального банка, формально он был частным, но наделен монопольными правами государством. В США многие атаки на свободу совершаются в форме действий формально частных компаний, которые, по существу, прямо или косвенно являются государственными. Как говорили многие либертарианцы, в США социализм придет в либеральном виде.

Еще один симптом наступления на свободу — вмешательство Министерства образования США в курсы истории²⁷, которые читаются в колледжах и университетах. Хотя пока они имеют форму рекомендаций, но уже сейчас лучше их выполнять для сохранения своего места. Перекрывается история под влиянием политкорректности и трайбализма: история США должна быть летописью того, как США угнетали коренное население, женщин, сексуальные и расовые меньшинства, рабов. Нельзя изображать США как страну, где были заложены принципы верховенства права и экономической свободы. История США содержит только темные страницы, за которые должно быть стыдно угнетателям: мужчинам, белым, протестантам и богатым. Современная корпоративная Америка подается прогрессивными историками как продолжение периода

²⁵ URL: <https://kontinentusa.com/neugodnyi-professor/?fbclid=IwAR2KFtip3DLgy59GxWsK8IFqF48RhgQ66L1SenoDyF3I-VerwXh3hN6dVxE>

²⁶ URL: <https://time.com/5936036/secret-2020-election-campaign/>

²⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pSITIDsAQJY>

работоторговли, когда сотрудников корпораций эксплуатируют представители патриархата.

Америка, считавшаяся локомотивом мировой экономики в 1990-е гг., сейчас играет более скромную роль и стала больше похожа на остальные страны развитого мира, особенно на бюрократизированные страны ЕС, которые в 1990-е были антиподом американского «ковбойского капитализма». Америка утрачивает свой динамизм. В 70 % развитых стран объем выработки на одного работника растёт менее чем на 1 % в год. Рост производства на одного работника в США ещё меньше — 0,91 % в год; это сопоставимо с таким же показателем в Японии — 0,62 %, Германии — 0,84 % и Великобритании 0,8 % [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 437].

В начале правления Байдена США выглядят не как исключительная страна и моральный лидер, а как типичная западная экономика: с большим правительством и его высокими расходами, погрязшая в экономической неэффективности, смотрящая в будущее со страхом и злобой на ту часть своих собственных сограждан, которые не хотят отказываться от типичных американских добродетелей: недоверие к правительству, опора на собственные силы, верховенство права и частная собственность.

Если, например, в 1990-е Сан-Франциско имел имидж «города полного риска», а Кремниевая долина была центром инноваций, то сегодня Сан-Франциско превратился в один из самых бюрократизированных городов. Администрация обложила весь город правилами и ограничениями, которые сильно затрудняют строительство домов или создание новых предприятий, хотя при этом Кремниевая долина продолжает себя позиционировать как центр инноваций, всё больше есть ощущение, что этот имидж сохраняется по инерции. Никакого кремния в долине давно нет, а многие вещи делать гораздо дешевле в других местах.

Растёт нагрузка на бизнес. Люди все реже меняют работу. Одна из главных причин состоит в том, что людей стало сложно или даже невозможно уволить — в государственном секторе это ключевая проблема, — отсюда и нежелание бюрократии что-то реформировать, да и работодатели в частном секторе, особенно крупные корпорации, всё менее настроены рисковать, боясь осуждения левых активистов и травли в СМИ.

Однако инновации невозможны без риска. Гиперопека [Питерсон 2019] разрушает культуру индивидуальной ответственности и риска. Правительство начинает заботиться о том, чтобы никто не мог подтолкну-

вать детей на качелях, приносить домашнюю еду в школу и раздавать на территории школы приглашения на день рождения. Политика позитивной дискриминации приводит к тому, что вместо того, чтобы стремиться быть лучшими, люди стремятся изобразить из себя жертву и требуют все больше привилегий.

Уинстон Черчилль как-то сказал своим соотечественникам: «Мы преодолели века, покорили океаны, горы и прерии не потому, что были сахарными. Сегодня из-за пагубной комбинации сутяжничества, нормирования и педагогической моды сахарные люди окружают нас со всех сторон» [Friedman, Mandelbaum 2011, p. 26]. Самих американцев все больше раздражают тенденции, которые происходят в США. Им не хочется терять культуру, обеспечивающую динамизм.

Однако бизнес в США все больше смотрит на правительство, а не на потребителя. В США стало сложнее создавать новые компании, чем в 1990-е, еще труднее довести эти новые компании до стадии зрелости. Доля молодых компаний (в возрасте до пяти лет) неуклонно снижается: 14,6 % в 1978 г., 8,3 % в 2011 г. Доля занятых на молодых фирмах сократилась с 18,9 % в конце 1980-х гг. до 13,5 % [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 445].

До победы Трампа в 2016 г. постоянно росли социальные пособия, которые финансируются правительством за счет налогов, это приводило к тому, что частные сбережения сокращались. За счет частных сбережений осуществляются инвестиции, напрямую влияющие на рост производительности и на темпы экономического роста. Из-за роста налогов этот процесс шел в противоположном направлении.

Американцы вынуждены признать, что снижается качество их образования, особенно в школах. Все больше студентов подсаживаются на иглу льготных образовательных кредитов. «Студенты вынуждены тратить на это все больше, влезая в огромные долги: задолженность по студенческим кредитам в настоящее время составляет почти \$ 1,5 трлн, что превышает задолженность по кредитным картам или автокредитам» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 451].

Страна, еще недавно ассоциировавшаяся с духом предпринимательства и неограниченной конкуренцией «ковбойского капитализма», превратилась в рассадник бюрократизма и регламентаций. В 2013 г. США занимали 27-е место среди 35 членов ОЭСР по уровню регулирования товарного рынка [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 462].

Количество нормативных актов постоянно увеличивается, при этом сами нормативные акты становятся все запутаннее. Так, в 1950-е гг. объ-

ем Федерального реестра США, где приводятся все нормативно-правовые положения, увеличивался в среднем на 11 000 страниц в год. В первом десятилетии XXI в. он рос в среднем на 73 000 страниц в год. Изложение федеральных законов и постановлений теперь занимает более 100 млн слов. Нормативы штатов и местные акты добавляют еще два миллиарда. К этому следует добавить 3,4 млн слов американского Налогового кодекса [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 461–462].

Отдельная область регулирования — финансовая сфера, в которой нормативные акты еще более изощренные и противоречивые. Самый удивительный в этом отношении закон — закон Додда — Франка, занимающий 2319 страниц. Его даже прозвали законом о трудоустройстве всех юристов.

Еще один пример безумного наращивания нормативных актов — закон о доступном медицинском обслуживании — Obamacare. В 2010 г. он уложился в 2700 страниц и при этом понятие «средняя школа» определял формулой из 28 слов. Программа Medicare имеет 140 000 видов страхового покрытия, включая 21 вид особых «несчастных случаев на космических кораблях». Хотя Трамп его попытался отменить, удалось ему это лишь частично, в результате ситуация с этим законом стала еще более запутанной [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 461–462].

Бюрократизация и огосударствление экономики не могли не сказаться на доступности услуг судов и юристов. Так, средняя стоимость урегулирования спора возросла с \$ 7,2 млн в 2005 г. до \$ 157 млн в 2014 г. [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 463].

Все сложнее становится получить разрешение на строительство. При этом бюрократию совершенно не интересует тот факт, что проволочки приводят к гигантским экономическим потерям. «Когда Портовое управление Нью-Йорка приняло решение модернизировать Байоннский мост, эффектно раскинувшийся между Стейтен-Айленд и Нью-Джерси, чтобы новые супертанкеры могли проходить под этим мостом, ему пришлось получить 47 разрешений от 19 различных правительственных департаментов ... процесс согласования направлен не на решение проблем, а на то, чтобы находить всё новые проблемы, — отметила Джоанн Папагеоргис, сотрудник Портового управления, которая прошла через эту процедуру. — Чиновнику проще отказать, так меньше риска для него» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 464].

Франц Кафка в начале XX в. описал бюрократический кошмар, который даже для Европы не был тогда характерен. Однако теперь это реальность и для США. Как пишут американские экономисты: «Чрезмерное

регулирование вынуждает основателей бизнеса переживать кафкианский кошмар, скитаясь по многочисленным государственным ведомствам и заполняя бесконечное множество запутанных формуляров. Так, чтобы открыть ресторан в Нью-Йорке, приходится иметь дело с 11 различными городскими службами» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 464].

Все эти ограничения негативно сказываются на конкурентоспособности американской экономики и на привлечении инвесторов. В 1970-е гг. на долю США приходилось 50 % прямых иностранных инвестиций. Уже в середине 1980-х этот показатель сократился до 25 % и продолжил свое сокращение [Кавтарадзе 2005, с. 327].

Важно отметить, что сложность и запутанность американской нормативной системы ставит небольшие фирмы в неконкурентное положение. Им не по карману издержки на поиск лазеек в законодательстве. Чтобы продаться через все нормативные акты, требуется целая армия юристов. Например, для решения подобного рода проблем в отделе налогового учета и отчетности компании General Electric работает 900 человек. Соединенные Штаты занимают 29-е место по легкости соблюдения нормативных требований [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 465].

Все больше видов деятельности в США подпадают под необходимость лицензирования, что является еще одним барьером на рынке труда и снижает производительность. «В 1950 г. только 5 % рабочих мест требовали лицензий. К 2016 г. это число выросло до 30 % (тот же показатель в Великобритании составил 13 %)». [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 465]²⁸.

Лицензирование отнимает массу времени и увеличивает издержки производства, что сказывается на ценах. Вот несколько примеров абсурдности искусственных требований по обучению: «В Техасе потенциальные парикмахеры должны изучать парикмахерское дело больше года, а начинающие изготовители париков должны пройти 300 часов занятий и сдать как письменные, так и практические экзамены. Штат Алабама обязывает тех, кто желает заниматься маникюром, перед сдачей практического экзамена пройти 750 часов обучения. Штат Флорида не позволит вам работать дизайнером интерьера, если вы не окончите четырехлетний курс обучения в университете и два года стажировки и не сдадите двухдневный экзамен» [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 465–466].

²⁸ Лицензирование дошло теперь и до экзотических профессий, таких как флористы, ремесленники, борцы-рестлеры, экскурсоводы, продавцы замороженных десертов, букинисты и дизайнеры интерьеров [Гринспен, Вулдридж 2020, с. 431].

Везде действует универсальный закон экономики: чем больше государство, тем меньше темпы экономического роста в долгосрочном периоде.

Этот тезис пытаются опровергнуть в своей новой книге «Узкий коридор» Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон. Они пишут, что Хайек был не прав в своем прогнозе о том, что рост государства порождает потерю свобод [Аджемоглу, Робинсон 2021, с. 627–628], так как большое государство не является проблемой для общества, его можно легко контролировать за счет демократических институтов. Верно, скорее, обратное, государство контролирует общество за счет демократии, обеспечивая себе легитимность в глазах общества. На самом деле, экономическая история США показывает, что Левиафан опасен и в демократическом обществе: при Вильсоне, Рузвельте, Буше-младшем и Обаме общество теряло ряд свобод, которые гарантировала им Конституция. Если история чему-то учит, так это тому, что в любом обществе интервенционизм — крайне опасное и разрушительное средство ведения дел в хозяйственной жизни. Ряд достоинств и явных ошибок авторов «Узкого коридора» можно найти в статье Травина: «В меру упитанный Левиафан»²⁹.

Переход от динамичной экономики времен «ковбойского капитализма» к застою «Леонида Ильича» Байдена произошел под влиянием роста размера государства. Последнее же связано с общественным мнением, которое было подготовлено левыми интеллектуалами.

Заключение. Идеи vs интересы

В этом препринте я старался проанализировать экономическую историю США с 1988 по 2021 г. На данном этапе можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на свою непоследовательность, политика Рейгана по дерегулированию экономики запустила экономический рост 1980–1990-х.
2. Рост государственного долга, дефицит бюджета, протекционизм и накачка экономики деньгами привели к формированию проблем, которые были незаметны на фоне экономического бума 1990-х.

²⁹URL: http://economytimes.ru/gumanitarnyy-kontekst/v-meru-upitanny-leviafan?fbclid=IwAR3iZNa7rANLM9XLEtV2ENy4WZjWa04aYNJPdsSIkzbW26t-xi6dlax_RJY

3. Сторонники либеральной демократии слишком рано праздновали окончательную победу над социализмом (Ф. Фукуяма).

4. Государство продолжило свой рост в 1990-е гг. Это стало причиной усиления раскола в стремлении различных групп интересов в поиске ренты.

5. Усиливалась роль левой альтернативы на рынке идей.

6. Кризис 2007–2009 гг. породил убеждение в том, что капитализм повинен в нем.

7. Правительство отреагировало на кризис кейнсианскими мерами.

8. Конгресс, сдерживающий президента Обаму, обеспечил сокращение доли государственных расходов в ВВП во второй период его президентства.

9. Это запустило экономический рост, подогреваемый снижением налогов президентом Трампом.

10. Президентство Трампа — лишь небольшой сюжет в истории движения США в сторону Deep State.

11. Приход к власти Байдена является возвратом на эту линию тренда.

Настоящий препринт завершает проект исследования модернизации США от Американской революции до начала XXI в., который потребовал почти восемь лет. Возможно, уместно сформулировать пять принципов, которые лежали в основе этого исследования:

1. Идеи — «мотор» исторических преобразований. Без изменений в понимании того, как работает экономика и что для этого нужно, перемены либо невозможны, либо быстро произойдет откат назад.

2. Идеи — это не все, что нужно для модернизации. Несомненно, чтобы идеи завладели массами, необходимы посредники: интеллектуалы и СМИ. Не следует забывать и об интересах, которые могут выступить как препятствия на пути реализации разумных реформ.

3. Интересами различных групп можно объяснить статику общества, динамику нельзя объяснить без влияния идей (мнений). Именно на них оказывают влияние в долгосрочном (не краткосрочном!) периоде интеллектуалы.

4. Не следует забывать, что не существует интересов других субъектов, кроме конкретных людей. Понять историю можно лишь стоя на фундаменте методологического индивидуализма: действовать могут только отдельные индивиды в соответствии с тем, какие убеждения находятся у них в голове.

5. Не существует универсальных рецептов продвижения идей. Это вопрос искусства политики. Социальный теоретик способен лишь объ-

яснять то, как идеи влияют на общество, он никогда не узнает, как запрограммировать общество на правильные/неправильные идеи.

Спор в Центре исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге с Дмитрием Травиным о том, что лежит в основе модернизации — идеи или интересы, позволил автору глубже разобраться в хитросплетениях экономической и интеллектуальной истории США³⁰. Всем значительным событиям в истории США предшествовали идеологические сдвиги: идеи Локка и Пейна предшествовали Американской революции, идеи интервенционизма и «социального государства» — политике Вильсона и Рузвельта, идеи Фридмана и Хайека — политике Рейгана. Видимо, в будущем этот фактор продолжит оказывать влияние на политику.

США не впервые в истории переживают политико-экономический кризис, каждый из предыдущих делал Америку сильнее. Не стоит посыпать голову пеплом и сравнивать текущие проблемы с периодом распада Римской империи. Несмотря на наличие фундаментальных проблем, возможны разные сценарии развития событий: не только связанные с усилением социализма и этатизма, но и с децентрализацией и капитализмом. Современные технологии, такие как блокчейн и криптовалюты, все больше теснят старые институты в образовании, науке, экономике и политике. Их использование сулит сторонникам капитализма возможности максимального использования потенциала конкуренции и децентрализации³¹. Как говорит австрийская экономическая школа: будущее не предопределено.

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021.

Аммус С. Краткая история денег, или Все, что нужно знать о биткойне. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

Аристотель. Политика. М.: Эксмо, 2008.

Бастия Ф. Кобден и Лига: движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2003.

³⁰ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I651cZjwSOY>

³¹ О том, что все не безнадежно, говорит хотя бы тот факт, что в последнее время набирает популярность движение за возвращение к традиционным американским ценностям: республике и Конституции [Белькович 2020, с. 272–273].

- Бастиа Ф.* Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006.
- Белькович Р.* Кровь патриотов: введение в интеллектуальную историю американского радикализма. СПб.: Владимир Даль, 2020.
- Боннер У., Уиггин Э.* Судный день американских финансов. Мягкая депрессия XX века. Челябинск: Социум, 2006.
- Герземанн О.* Ковбойский капитализм: европейские мифы и американская реальность. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Гринспен А., Вулдридж А.* Капитализм в Америке: история. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Кавтарадзе Г.* История экономического развития Запада. М.: Энигма, 2005.
- Капелюшников Р. И.* О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.
- Капелюшников Р.* Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020.
- Каплан Б.* Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику? М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012.
- Коломбатто Э.* Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль, 2016.
- Курилла И.* История, или Прошлое в настоящем. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
- Макклоски Д.* Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм. О книге «Капитал в XXI веке» // Экономическая политика. 2016. № 4. С. 153-195.
- Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
- Мизес Л.* Либерализм. Челябинск: Социум, 2011.
- Мизес Л.* Стабилизация ценности денег и циклическая политика (1928) // Теория экономического цикла, Челябинск: Социум 2020.
- Остром Э.* Управляя общим. М.: ИРИСЭН, 2011.
- Пикетти Т.* Капитал XXI веке. М.; Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Питерсон Дж.* Двенадцать правил жизни: противоядие от хаоса. СПб.: Питер, 2019.
- Рэнд А.* Философия: кому она нужна? М.: Альпина Паблишер, 2021.
- Стедмен-Джоунз Д.* Рождение нелиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер. Челябинск: Социум, 2020.
- Талеб Н.* Рискуя собственной шкурой. М.: Азбука-Аттикус, 2018.

Талеб Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса. М.: Колибри, 2019.
Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года? СПб.: Норма, 2016.

Травин Д. Крутые горки XXI века. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

Усанов П. Модернизация после модернизации: либеральные реформы в развитых странах. (Препринт М-39/14; Центр исследований модернизации ЕУСПб.) СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Усанов П. Великая депрессия и Новый курс в США: уроки для современности. (Препринт М-56/17; Центр исследований модернизации ЕУСПб.) СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Усанов П. Во всем виноваты экономисты-рыночники? // Травин Д. Крутые горки XXI века. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

Усанов П. Эпоха «социального государства» в США: от завершения Второй мировой войны до Рейгана. (Препринт М-77/20; Центр исследований модернизации ЕУСПб.) СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

Уэрта де Сото. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008.

Фридман Дж., Краус В. Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования. Челябинск: Социум, 2017.

Хайек Ф. Капитализм и историки: мифы о Промышленной революции. Челябинск: Социум, 2020.

Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001.

Энтов Р. Некоторые особенности современного состояния макроэкономики // Истоки («Экономика — «мрачная наука»?»). М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 169–241.

Abrams S. The Contented Professors: How Conservative Faculty See Themselves within the Academy. Working Paper, 29 November 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/312229229_The_Contented_Professors_How_Conservative_Faculty_See_Themselves_within_the_Academy.

Bernanke B. On Milton Friedman's Ninetieth Birthday. Speech given at the Conference to Honor Milton Friedman, at the University of Chicago, November 8, 2002. URL: <http://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2002/20021108/default.htm>.

Bernanke B. The Crisis and the Policy Response. Stamp Lecture given at the London School of Economics, January 13, 2009. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20090113a.htm>.

Bordo M. The Federal Reserve and the Financial Crisis. Lectures by Ben S. Bernanke // *The Journal of Economic History*. 2013. Vol. 73. Iss. 4 (December). P. 1195–1198.

Dewey J. Liberalism and Social Action // *The Papers of John Dewey: The Later Works, 1925–1953*. Vol. 11. Carbondale, IL: Southern Illinois University, 1987. P. 627–628.

Friedman T., Mandelbaum M. That Used to Be Us: What Went Wrong with America and How It Can Come Back. NY: Little, Brown, 2011.

Huebert J. Libertarianism Today. Santa Barbara: Praeger, 2010.

Ikeda S. Dynamics of the Mixed Economy. NY: Routledge, 1997.

Kimball R. Tenured Radicals: How Politics Has Corrupted Our Higher Education. San Francisco: Encounter Books, 2008.

Mayo A., Nohria N. In Their Time: The Greatest Business Leaders of the Twentieth Century. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2005.

Mishkin F. Over the Cliff: From the Subprime to the Global Financial Crisis // *Journal of Economic Perspectives*. 2011. Vol. 25. N 1 (Winter). P. 49–70.

Prasad M. The United States since 1980 // *Economic History Review*. 2008. Vol. 61, Iss. 2 (May). P. 530–531.

Rothbard M. Making Economic Sense. Auburn: Mises Institute, 1995.

Stockman D. The Great Deformation: The Corruption of Capitalism in America. NY: Public Affairs, 2013.

Taylor C., Boas T., Gans-Morse J. Neoliberalism: From New Liberal Philosophy to Anti-Liberal Slogan // *Studies in Comparative International Development*. 2009. Vol. 44. P. 137–161.

Yergin D., Stanislaw J. The Commanding Heights: The Battle Between Government and the Market. New York: Simon & Schuster, 1998.

Znamenski A. Socialism as a Secular Creed. NY: Lexington Books, 2021.

Павел Усанов

**Экономическая история США: от «ковбойского капитализма»
Р. Рейгана до «Леонида Ильича» Байдена (1988–2021)**

Препринт М-83/21

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 23.04.21.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

